



*Андрей Витальевич Стародубцев*  
**СЛУЖАНКА  
или тайна Пятой  
авеню**

18+

Андрей Стародубцев

**Служанка, или Тайна Пятой Авеню**

«Автор»

2026

**Стародубцев А.**

Служанка, или Тайна Пятой Аvenues / А. Стародубцев — «Автор»,  
2026

В роскошном особняке умирает патриарх семейства — миллиардер, чьё богатство окутано слухами и сомнениями в его законности. Трое наследников с нетерпением ждут оглашения завещания, рассчитывая на щедрую долю. Но есть препятствия, и воля покойного оборачивается шокирующим условием: наследство получают лишь те, кто найдёт Марка — четвёртого наследника. Кто он?

© Стародубцев А., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

29

# Андрей Стародубцев

## Служанка, или Тайна Пятой Авеню

Данное произведение посвящено проблеме борьбы с наркотиками и является художественным вымыслом. Все имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения с реальными людьми или фактами случайны. Упоминания запрещённых веществ и связанных с ними действий представлены в рамках художественного вымысла и не являются пропагандой. Автор осуждает незаконный оборот и употребление таких веществ, подчёркивая их разрушительное влияние на жизнь человека и общество.

Любые упоминания веществ, влияющих на сознание, носят исключительно сюжетный характер и не содержат пропаганды их употребления. Автор и издатель осуждают незаконное использование наркотических средств и призывают читателей соблюдать законодательство Российской Федерации.

### Глава 1

#### Семья

Это была последняя его ночь – Ричард Уилсон знал это с той безошибочной ясностью, какая приходит лишь на пороге вечности. Часы на каминной Томке отсчитывали мгновения словно последние удары его сердца – с холодной, почти издевательской методичностью, а в каждом шорохе сквозняка ему чудился шёпот смерти.

Именно сегодня Элизабет пришла к нему в последний раз... Не наяву – её образ возник в полумраке его сознания, там, где зарождаются сны, сотканные из лунного света и воспоминаний. Она протянула руку, и этот жест, одновременно нежный и непреклонный, стал знаком. Знаком, что его время истекло.

Последние три дня он, чувствуя приближение конца готовился не к завершению земных дел – они давно были приведены в безупречный порядок, словно шахматные фигуры перед последней партией. Ричард Уилсон готовился к иному: к тому, чтобы распахнуть дверь в прошлое, к той загадочной комнате, где хранилась мрачная тайна его жены Элизабет. Завещание уже ждало своего часа в сейфе адвоката. Когда дети соберутся, они узнают свою долю наследства – и то единственное условие, которое он им навязал. Условие, лишаящее выбора. Как он, когда-то, лишил выбора себя...

Закрыв глаза, он вновь вызвал её образ. Годы стерли с её лица веснушки, добавили морщин у глаз, но в его памяти она оставалась той самой девушкой – юной, искрящейся звонким смехом, окутанной аурой нескончаемых загадок, открывать которые он не спешил. Теперь же, к одной из них, ключ предстояло найти – даже если за дверью окажется лишь безмолвная пустота.

Внезапно – лёгкое прикосновение, словно крыло ночной птицы. Оно скользнуло по рукам, очертило контуры лица, а затем вонзилось в сердце ледяным клинком. Сердце сделало последний удар – и замерло... Навеки.

В тот же миг перед Ричардом распахнулся иной мир. Там, в сиянии, подобном рассвету над морем, его ждала Элизабет. Такая, какой он запомнил её в их первый день знакомства: легкое почти воздушное платье цвета лазури, смех, похожий на перезвон колокольчиков, глаза, Томные весеннего солнца. Он протянул руки, но вместо тёплого прикосновения ощутил лишь дымку. Её образ начал растворяться, таять, словно утренний туман. А потом и он сам стал частью этого света – бесформенного, вечного, безраздельного.

Часы на каминной полке, словно запечатлев этот момент, остановились ровно в 4:17...

На столе в кабинете Ричард Уилсона уже лежало письмо с единственным указанием: «Открыть только в день моей смерти.».

Джейн Уилсон возвращалась с работы, когда город, ещё недавно бурлящий жизнью, начинал медленно погружаться в вечернюю негу. Затихали улицы, смолкал шум машин. Кроваво-оранжевое солнце, пробиваясь сквозь высокие здания, окрашивало асфальт в тёплые янтарные тона, а длинные тени ложились на тротуары, словно последние штрихи художника, завершающего полотно очередного дня.

Выйдя из машины, Джейн привычно щёлкнув брелоком, услышала успокаивающий звук закрывающейся двери. Движения были размеренными, привычными: шаг к почтовому ящику, лёгкий поворот ручки, извлечение корреспонденции. Три письма, словно три судьбы, легли в её ладонь – тонкие, но отягощённые неведомым содержанием.

В доме пахло новым ковром и жасмином – запахом, который она любила с детства. Джейн положила письма на полированный стол в гостиной и сняв плащ повесила его на резную вешалку у двери. Вечер медленно вступал в свои права: за окном небо наливалось глубокими пурпурными и оранжевыми оттенками, а в комнате стужались мягкие тени.

Она направилась на кухню, где её ждал старый и дорогой во всех смыслах фарфоровый чайник с замысловатым восточным узором из особой исинской глины<sup>1</sup> – подарок матери. Пока вода закипала, Джейн невольно снова бросила взгляд на письма, лежавшие на столе. Наконец, заварив чай с ромашкой, она села за стол, обхватив чашку ладонями, и сделав маленький глоток медленно разложила конверты веером.

Первое письмо оказалось приглашением на художественную выставку. Блестящая глянцевая бумага, строгий шрифт – всё говорило о статусе события. В экспозиции должны были представить её работы наряду с творениями признанных мастеров. Это был момент, которого она ждала два долгих года: с того дня, как ее кисть в последний раз коснулась полотна, завершив её самую амбициозную серию: ночной Нью-Йорк. Сердце дрогнуло от смеси гордости и волнения – наконец-то плод её трудом увидят.

Второе письмо резко отличалось от первого. Обычный конверт, деловая бумага внутри – счета за аренду арт-мастерской в «Art Stager» на East 63rd Street. Сумма была внушительной, сроки – жёсткими. Джейн вздохнула, проведя пальцем по строчкам цифр. Мастерская была её святилищем, местом, где рождались идеи, но содержание этого уголка творчества становилось всё более обременительным.

Третье письмо сразу привлекло внимание своим оформлением. Плотный кремовый конверт, изящный почерк, выведенные каллиграфическим шрифтом буквы – всё говорило об официальном и важности послания. Джейн вскрыла его с лёгким трепетом, и первые же строки заставили её сердце сжаться.

«С прискорбием сообщаем, что ваш отец, Ричард Уилсон, скончался этой ночью...»

Дальше шли сухие факты: обстоятельства смерти, дата похорон, формальные детали. Но в конце, словно удар под дых, стояло то, чего она всегда подсознательно ждала и боялась: приглашение на оглашение завещания. Дата была назначена на день, следующий за похоронами.

\*\*\*

Тем временем Том Уилсон покидал здание полицейского участка. Вчера кто-то оставил знак свастики на стекле его машины и он был вынужден сообщить о случившемся в полицию, дабы оградить себя от дальнейших прецедентов.

---

<sup>1</sup> Коллекционные китайские чайники XVIII века – это произведения искусства, сочетающие мастерство изготовления, эстетику и культурное значение. В этот период в Китае производили чайники из фарфора и особой исинской глины (цзыша), которые ценились как за функциональность, так и за художественную ценность.

В воздухе витал запах опавших листьев и едва уловимое предчувствие далёкой грозы. Том вошёл на ресепшн апартаментов, где снимал жильё. Менеджер у стойки сразу заметил его: высокий, подтянутый, в дорогом пальто, он резко выделялся на фоне остальных посетителей.

– Мистер Уилсон, доброе утро! – вежливо окликнул он его, протягивая конверт. – Это только что доставили для вас.

Том кивнул, едва взглянув на собеседника, и взял письмо. Его лицо оставалось бесстрастным, но в глазах мелькнуло что-то неуловимое – то ли раздражение, то ли усталость.

Поднявшись в апартаменты, он неторопливо прошёл к гардеробу. В просторной комнате все вещи были разложены с военной чёткостью: по категориям, по цвету. Обувь расставлена в ряд. Никаких излишеств – только необходимые предметы, но каждый из них был выбран с особой тщательностью.

Белая сорочка с двойными манжетами и платиновыми запонками. Тёмно-синий шерстяной костюм безупречного кроя. Бордовый галстук с идеальным узлом. Каждая деталь ложилась на своё место, складываясь в образ делового аристократа.

Том аккуратно застегнул манжеты, проверил симметричность складок и лишь тогда взялся за галстук. Глубокий бордовый оттенок гармонично перекликался с цветом костюма, а узел – безупречный, без малейшей неровности – свидетельствовал о многолетней привычке к подобным ритуалам.

На загорелое запястье мягко легли золотые «Rolex» – подарок отца. Строгий циферблат показывал 14:15.

Несколько капель парфюма «Clive Christian № 1 Masculine» – аромат едва уловимый, но запоминающийся. Теперь он был готов. Впереди – два собеседования и каждое требовало не просто профессионализма – оно требовало образа, в который невозможно не поверить.

На выходе он заметил конверт и подхватив его направился к своему «Porsche Taycan», блестящему в свете солнечных лучей на открытой стоянке.

Устроившись за рулём, Том бросил конверт на заднее сиденье. Тот, ударившись о кожаную спинку, отскочил и затерялся где-то под пассажирским креслом. Том даже не обернулся. Его мысли были далеко – в делах, встречах, планах, которые ждали его впереди. Письмо так и осталось лежать там, забытое, пока день медленно катился к своему завершению.

Кристиан Уилсон в этот день меньше всего думал о плохом. Солнечное утро дышало обещанием чего-то необыкновенного – воздух был наполнен ароматом цветущих лип, а по мостовой скользили золотые блики от витражей старинных домов. Через час у него было свидание с девушкой, которая занимала все его мысли. Она нравилась ему так сильно, что от одного воспоминания о её улыбке у него сердце сбивалось с привычного ритма.

Любому кто не склонен верить в судьбу их встреча показалась бы случайностью. Но только не для Кристиана. Он был твёрдо убеждён: то, что кажется случайностью, на самом деле – продуманный замысел судьбы, её невидимая рука, вписывающая главы твоей истории тонкими чернилами предопределения.

Она стояла у витрины антикварной лавки, рассматривая фарфоровую статуэтку, и солнечный луч, пробившийся сквозь листву, золотил её волосы. В груди у Кристиана всё сжалось, и он невольно замер, словно ноги приросли к брусчатке. Он боролся с собой всего мгновение – потом шагнул вперёд, не в силах побороть искушение заговорить с ней.

Она обернулась, уловив его взгляд, и улыбнулась – мягко, чуть иронично, будто заранее знала, что он не устоит. Её глаза, напоминали глаза кошки такие же внимательные проникающие и в то же время оценивающие. Но он в них видел ту тайну, что была скрыта в глазах его матери – Элизабет. Этот дивный блеск в ее зрачках, словно отголоски отблесков венецианского стекла – казались одновременно близкими и недостижимыми. Через несколько минут

они уже шли вместе по узкой улочке, а в её руках появился изящный букет – белые, как первый снег, розы, только что купленные у уличного торговца.

Её звали Сьюзан. Долгая ночь одиночества, казалось, наконец-то закончилась, но радость встречи была не долгой.

Кристиан проснулся от тёплого прикосновения солнечного луча к лицу. Сьюзан уже принесла кофе – ароматный, с лёгкой пенкой, как он любил. Она поставила поднос на край кровати и, улыбнувшись, шепнула:

– Доброе утро.

Но едва он потянулся за чашкой, взгляд его упал на небольшой конверт, лежавший рядом с фарфоровой чайкой.

– Откуда это? – нахмурился Кристиан.

– Кто-то сунул под дверь, пока ты спал, – ответила Сьюзан, поправляя подушку. – Наверное, счета.

– Не похоже, – он взял конверт в руки. Бумага была плотной, кремовой, с тиснёным краем, изящный почерк, выведенные каллиграфическим шрифтом буквы. – Слишком... изящно для счетов. Выглядит, как приглашение... Наверное от отца.

Кристиан медленно разорвал конверт. Внутри лежал лист с лаконичным текстом, написанным чётким, почерком. Он прочёл первые строки – и кровь отхлынула от лица.

## Глава 2

### «Trinity Cemetery»: последний приют Ричарда Уилсона

Похороны Ричарда Уилсона прошли в сдержанной, почти аскетичной торжественности – так, как и подобало человеку его положения. Несмотря на богатство и влияние, он всегда ценил в ритуалах не пышность, а глубину: оттого церемония собрала лишь самых близких.

Место выбрали тихое – небольшая Унитарная церковь «Всех душ» на Верхнем Ист-Сайде Манхэттена, с фасадом из серого камня и узкими стрельчатыми окнами. Внутри пахло воском и старыми дубовыми скамьями; мягкий свет пробивался сквозь витражи, рассыпаясь на Тому цветными пятнами. В воздухе витала едва уловимая прохлада, будто сама атмосфера подчёркивала окончательность происходящего.

Собрались узким кругом: брат Ричарда – Роберт Уильямс, сухопарый мужчина с пронзительным взглядом и привычкой говорить коротко, будто отсекал лишнее; двоюродная сестра Лиза Томпсон, в чёрном платье строгого кроя и с жемчужной нитью на шее, сдержанная, но с глазами, Томными тихой печали; и трое детей Ричарда – Джейн, Том и Кристиан.

Джейн, старшая, нервно сжимала край платка, но держалась прямо, с той холодной грацией, которую воспитывали в ней с детства. Её чёрные перчатки были безупречно гладки, а лицо – почти бесстрастно, лишь в уголках губ затаилась горечь. Том, средний сын Ричарда, его взгляд отстранённо скользил по витражам, словно искал в них утешение. Кристиан, младший, стоял чуть поодаль, вслушиваясь в приглушённые звуки органа. В его сознании всё ещё звучали слова отца – те редкие, но весомые фразы, что оставались с ним на всю жизнь.

Служба прошла без пафосных речей. Пастор, знакомый семьи, говорил тихо, без излишней патетики, цитируя Книгу Иова: «Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно». Эти слова, казалось, повисли в воздухе, обретя особую силу в стенах церкви, где поколения Уилсонов, когда-то крестились, венчались и прощались.

В тихом уголке Верхнего Манхэттена, где шум мегаполиса растворяется в безмолвии вечности, раскинулось Trinity Cemetery – единственное кладбище острова. Здесь, среди вековых надгробий и редких роз долгожителей, нашёл последний приют Ричард Уилсон.

Место он выбрал сам в западной части кладбища (Westerly Division), отделённой от восточной полотном Бродвея. Это место дышит покоем: тенистые аллеи, приглушённый свет,

пробивающийся сквозь кроны деревьев, и едва уловимый аромат старинных роз, будто застывших во времени.

Рядом – могилы тех, кто когда-то творил историю Нью-Йорка: члены семьи Астор, чьи имена навсегда вплетены в ткань городской легенды; Элиза Джумель, чья жизнь напоминала авантюрный роман; Ральф Эллисон, чьи слова продолжают будоражить умы. Все они – страницы огромного тома, где каждая строка – судьба. И Ричард Уилсон теперь тоже стал частью этой книги.

Гроб из тёмного дерева медленно опускали в землю; звук падающих комьев звучал глухо, почти неприлично в этой торжественной тишине.

Роберт Уильямс-младший первым подошёл к могиле, бросив горсть земли. Лиза Томпсон последовала за ним, шепнув что-то едва слышно. Джейн склонила голову, затем выпрямилась и сделала шаг назад. Том глубоко вздохнул, словно готовясь к чему-то, и тоже бросил землю. Кристиан задержался. Он смотрел на гроб, пытаясь уловить последнее эхо голоса отца, но слышал лишь ветер, шептавший среди голых ветвей. Когда гроб уже почти скрылся под землёй, лёгкий ветер подхватил одинокий лист с ближайшего клёна – багрово-золотой, словно застывшая капля крови. Он кружил в воздухе, будто не желая расставаться с миром живых, а потом мягко опустился прямо на крышку гроба. Никто из присутствующих не придал этому значения – все были погружены в свои мысли, – но лист лежал там, недвижимый, как молчаливый знак чего-то невысказанного, чего-то, что осталось за пределами слов и ритуалов.

На следующий день все трое наследников собрались в фамильном особняке на Пятой авеню – этой живой летописи нью-йоркского величия. Улица, словно золотой нерв Манхэттена, тянется от Вашингтон-Сквер-парка в Гринвич-Виллидж на север – через Мидтаун, вдоль восточной кромки Центрального парка, сквозь Верхний Ист-Сайд, к самому проливу Гарлем-Ривер. Каждый её камень дышит историей, а воздух пропитан эхом шагов тех, кто когда-то определял судьбу города.

Пятая авеню давно перестала быть просто улицей – она превратилась в символ, в витрину богатства и власти, где каждый особняк словно страница из романа о взлётах и падениях американских магнатов. В былые времена здесь, как грибы после дождя, вырастали дворцы промышленников, банкиров и меценатов – тех, кого позже назовут титанами эпохи «позолоченного века» в США.

Эндрю Карнеги, Джон Д. Рокфеллер, Корнелиус Вандербильт – их имена звучали как заклинания, открывающие двери в мир безграничных возможностей. Эти люди не просто строили дома – они возводили монументы собственному успеху, будто говоря городу: «Вот как выглядит власть».

Чуть позже эстафету подхватили другие гиганты. Генри Фрик, владелец угольной империи Пенсильвании, в 1913 году воздвиг свой неоклассический особняк – Frick Mansion. Он напоминал античный храм, где вместо богов обитали цифры балансовых отчётов и дым заводских труб. А неподалёку, в 1918-м, вырос «Otto and Addie Kahn Mansion» – творение в стиле итальянского неоренессанса, словно кусочек Флоренции, перенесённый на манхэттенскую почву. Отто Кан, инвестиционный банкир и меценат, будто хотел сказать: «Деньги могут быть изящными».

Времена менялись, но Пятая авеню упорно хранила свой статус. В XXI веке её каменные джунгли облюбовали новые короли – на этот раз из мира финансов и медиа.

Дональд Трамп, человек, чьё имя стало синонимом дерзкого блеска, выбрал для жизни Trump Tower – стеклянную иглу, пронзающую небо. Роман Абрамович в 2013 году приобрёл апартаменты в историческом особняке XIX века, словно собирая кусочки ушедшей эпохи. Три из пяти квартир этого здания отошли миллиардеру – будто три карты в покерной комбинации, обещающей джекпот.

Леонард Блаватник в 2015-м выложил \$77,5 млн за квартиру в доме 1931 года, созданном архитектором Росарио Канделой. Это было не просто жильё – это был трофей, выставленный на пьедестале времени.

А Барбара Коркоран, королева недвижимости с железной хваткой, в том же 2015-м обзавелась пентхаусом на 1158 Fifth Avenue. Одиннадцать комнат, зимний сад, терраса с мощеными дорожками и солярий – всё это напоминало миниатюрный дворец, где можно было укрыться от суеты мегаполиса, не отказываясь от его благ.

И конечно, не обошлось без звёзд. Том Круз и Кэти Холмс тоже оставили свой след на этой улице-легенде, словно напоминая: даже те, кто привык к вспышкам камер, ищут здесь нечто большее – не просто стены, а атмосферу, которая сама по себе является произведением искусства.

Так Пятая авеню продолжает свой бесконечный спектакль, где каждое поколение пишет свою главу, а особняк становится не просто домом, а свидетельством эпохи.

Именно здесь провёл свои последние годы Ричард Уилсон – человек, чьё богатство вызывало не столько зависть, сколько лёгкое раздражение и вместе с тем почти вежливое недоумение. Деньги Уилсона напоминали древний родник: они просто были – без видимого источника, без истории, без объяснений. Казалось, они просачивались сквозь каменные плиты особняка, как туман сквозь щели старого склепа. И тем непонятнее было отношение отца к своим детям, которые живя отдельно, были вынуждены сами зарабатывать на жизнь.

В назначенный адвокатом срок все трое наследников состояния Ричарда Уилсона явились на оглашение завещания. В гостиной, где антикварная мебель напоминала экспонаты музея, а портреты предков в тяжёлых рамах следили за происходящим с холодным достоинством, подали чай. Фарфоровые чашки – доставленные ещё при отце Ричарда прямиком из Англии – поблёскивали, словно маленькие луны на скатерти цвета слоновой кости. Их тонкий звон, смешиваясь с тиканьем настольных часов, создавал причудливую симфонию времени – то ли реквием, то ли увертюру к новой главе.

Казалось, в этой гостиной, пропитанной ароматом старины и едва уловимым шлейфом забытых парфюмов, все ещё звучат звуки мелодии пьесы – «К Элизе» Бетховена.

Ричард был тонким ценителем искусств и питал особую слабость к музыке, особенно к классической. В его кабинете, среди кожаных томов и бронзовых статуэток, стоял старинный рояль – молчаливый свидетель бесчисленных вечеров, когда пальцы Ричарда извлекали из клавиш мелодии то Моцарта, то Вивальди, то Бетховена. Но среди прочих неизменно звучала та самая пьеса – «К Элизе».

Эта небольшая багатель, словно крошечная шкатулка с секретом, давно будоражила умы музыковедов. Опубликованная лишь в 1867 году – спустя сорок лет после смерти Бетховена – она до сих пор хранит свою загадку. На рукописи, обнаруженной исследователем Людвигом Нолем, красовалась таинственная надпись: «Элизе от Л. В. Бетховена». Кто она, эта Элиза? Дальняя возлюбленная, мимолетная пассия, муза, так и не ставшая реальностью? Может, она была всего лишь призраком, сотканным из нот и мечтаний гения?

Ричард любил размышлять об этом, пока его пальцы скользили по клавишам. В такие моменты ему казалось, что музыка – это нить, связывающая времена и судьбы. И возможно, его собственная история с Элизабет – всего лишь ещё одна вариация на тему вечной мелодии, где каждый звук – шаг к разгадке, а каждая пауза – намёк на тайну.

А потом Ричард впервые встретил Элизабет. Её появление было подобно ноте, неожиданно разорвавшей размеренный ритм привычной мелодии – словно скрипичный флажолет<sup>2</sup> или стаккато<sup>3</sup> среди ровного звучания виолончели. Они встретились на дипломатическом при-

---

<sup>2</sup> Стаккато – отрывистое, короткое исполнение нот. Звук извлекается резкими, короткими движениями смычка.

<sup>3</sup> Флажолет – высокий, свистящий звук, напоминающий флейту. Получается при лёгком прижатии струны в определённых

ёме в резиденции британского посла: в зале среди шёпота шёлковых платьев и сдержанных реплик. Ричард увидел её у окна, залитого отблесками заката и воздух вокруг них словно наэлектризовался, а тени зашевелились, будто пытаются разглядеть незнакомку.

Все трое пришли чуть раньше назначенного срока – привычка, ставшая неотъемлемой частью их воспитания. Отец всегда был образцом пунктуальности и требовал того же от детей. «Если не можешь прийти вовремя, – говорил он, – ты ничего не можешь. Потому что судьба не ждёт, она лишь даёт возможность. Опоздал – значит, проиграл».

– Рада вас снова видеть вместе, – произнесла Джейн обращаясь к братьям. – Редкая возможность, пусть и печальная – для этого дня.

– Действительно чудо. Ведь если бы ты не позвонила Тому, он так бы ничего и не узнал. Думаю, он даже не знает, где тот конверт с извещением о смерти отца.

Кристиан выдохнул с явным укором, словно пытался достучаться до совести Тома:

– Плевать! – огрызнулся тот. – Я ничем ему не обязан... Он всегда любил только себя. Что изменилось?

– Он умер, Том, если ты всё ещё этого не заметил, – возразила Джейн. Ей было стыдно за брата, но в глубине души она понимала – Том прав.

– Разве? – парировал Том. – Я думал, он давно умер... Во всяком случае, так мне казалось.

– То, что ты не испытываешь к отцу тёплых чувств, не даёт тебе права говорить о нём в таком тоне. Это всё ещё наш отец, нравится тебе это или нет, – заметил Кристиан, глядя на Тома исподлобья.

– И что? У каждого когда-то был отец, но не каждый им остался. Я не верю в аистов, но, похоже, меня принёс именно он.

Все рассмеялись, несмотря на гнетущую обстановку, пропитанную запахом смерти.

– Ладно тебе, Том, – махнул рукой Кристиан. – Мы тебя любим, даже если это был аист. Главное, чтобы не дятел...

– Вы оба... невыносимые дураки! – вспыхнула Джейн глядя на братьев. – Не можете быть серьёзными даже в такие минуты!

– Серьёзно? А что изменилось, Джейн? Я привык к тому, что отца никогда нет рядом, словно мы чужие ему. Будто и не было той дружной семьи, где все – пусть иногда, но счастливы.

Джейн опустила глаза и сжала пальцы.

– Он сильно изменился с тех пор, как ушла мама... Я чувствовала, как ему плохо. Он медленно умирал, а не жил... Всё это время... Словно остался там, на кладбище, рядом с её могилой.

Кристиан, глядя не в глаза собеседникам, а в окно, словно подтверждая слова Тома, задумчиво произнёс:

– Наш отец был без ума от трёх вещей в этом мире: антиквариата, музыки и его личной музы – нашей мамы... Но только не от нас. Мы для него как дым потухшего костра: глаза режет, дышать нечем, но никуда не денешься. Единственный вариант – отойти, чтобы не задохнуться.

Дверь кабинета распахнулась, и в проёме возникла фигура мужчины, чья осанка и уверенные движения безошибочно выдавали военную выправку.

Это был Дэвид Митчел – адвокат Ричарда Уилсона, хранивший его тайны и исполнявший роль распорядителя и вместе с тем советника на протяжении многих лет. Для всех членов семьи Уилсонов он давно перестал быть просто человеком, а превратился в тень отца, в молчаливый сосуд, где скрывались все страхи, тревоги и сокровенные чаяния Ричарда Уилсона. Он доверял ему безоговорочно, и это делало Дэвида поистине незаменимым.

Войдя, он вежливо поприветствовал всех троих, аккуратно снял пальто и так же аккуратно повесил его на спинку стула.

– Ещё раз приношу вам мои искренние соболезнования в связи со смертью Ричарда Уилсона – вашего отца, – произнёс он сдержанно.

В просторной, залитой мягким утренним светом гостиной особняка Уилсонов витало напряжение – каждый понимал: сейчас прозвучат слова, которые изменят их жизни.

Дэвид, стоял у массивного камина. Он расправил манжеты, поправил очки и, выдержав паузу, достойную момента, приступил к оглашению завещания. Его голос, ровный и бесстрастный, как и подобает в таких случаях, заполнил комнату, эхом отражаясь от высоких потолков, заставляя каждого из присутствующих затаить дыхание.

– Да будет известно всем присутствующим, что сей документ является последней волей и завещанием Ричарда Джеймса Уилсона, составленным и подписанным им в здравом уме и твёрдой памяти, в присутствии свидетелей, должным образом заверенным и зарегистрированным в соответствии с законами штата Нью-Йорк.

Адвокат сделал ещё одну паузу, обвёл взглядом собравшихся, и продолжил. Каждый внимательно слушал его – и лицо каждого, по мере услышанного, менялось, проходя путь от осторожного облегчения к нарастающему возмущению.

Ричард Уилсон, их отец, человек, чьё имя долгие годы ассоциировалось с успехом и могуществом, ещё при жизни позаботился о том, чтобы его последняя воля была изложена предельно чётко. В завещании он распорядился судьбой своего огромного состояния, разделив его с холодной расчётливостью, свойственной ему при жизни.

Согласно документу, каждому из указанных наследников – Джейн Уилсон, Томасу Уилсону и Кристиану Уилсону – полагалась доля в размере ста миллионов долларов США наличными средствами. Адвокат особо подчеркнул, что эта сумма выплачивалась строго в денежной форме и не включала: активы каких-либо компаний; недвижимое имущество любого типа, в том числе сеть отелей «Уилсон Плаза»; доли в акциях публичных и частных корпораций.

Когда Морган сделал короткую паузу, Джейн невольно сжала руку Тома, а Кристиан нервно провёл ладонью по волосам. Атмосфера в комнате стала ещё более напряжённой.

Основная же часть капитала, составившая львиную долю состояния Ричарда Уилсона, по завещанию переходила в единоличное владение его сына Марка Уилсона. К этому имуществу относились: денежные средства на банковских счетах в размере двухсот пятидесяти шести миллионов долларов США; Полный пакет акций всех компаний группы «Уилсон Холдингс»; сеть отелей класса люкс «Уилсон Плаза» в Томном составе, включая филиалы в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и Майами; все прочие активы: движимое и недвижимое имущество, интеллектуальная собственность, инвестиционные инструменты и иные ценности, числящиеся на момент смерти завещателя.

Когда Дэвид Митчел сделал короткую паузу, Джейн невольно сжала руку Тома, а Кристиан нервно провёл ладонью по волосам. Атмосфера в комнате стала ещё более напряжённой.

Основная же часть капитала, составившая львиную долю состояния Ричарда Уилсона, по завещанию переходила в единоличное владение его сына Марка Уилсона. К этому имуществу относились: денежные средства на банковских счетах в размере двухсот пятидесяти шести миллионов долларов США; Томный пакет акций всех компаний группы «Уилсон Холдингс»; сеть отелей класса люкс «Уилсон Плаза» в Томном составе, включая филиалы в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и Майами; все прочие активы: движимое и недвижимое имущество, интеллектуальная собственность, инвестиционные инструменты и иные ценности, числящиеся на момент смерти завещателя.

Но самое неожиданное ждало наследников впереди. Адвокат поднял глаза от документа и произнёс:

– Ричард Уилсон поставил условие: наследство перейдёт к вам лишь в том случае, если вы найдёте Марка. Суммы, указанные в завещании, окажутся в вашем распоряжении только тогда, когда вы приведёте его ко мне.

В комнате повисла тяжёлая тишина. Слова адвоката эхом отдавались в сознании каждого.

– И ещё, – продолжил Дэвид, – существует вторая часть завещания. Я оглашу её, когда Марк будет с вами.

Он отложил бумаги и обвёл присутствующих спокойным взглядом.

– Документ вступает в силу немедленно. Каждому из вас будут предоставлены копии для ознакомления, а я готов ответить на любые вопросы, касающиеся завещания.

Наследники переглянулись. Завещание Ричарда Уилсона оказалось не просто распределением богатства – оно стало загадкой, ключом к которой был пропавший Марк Уилсон. В комнате повисла оглушительная тишина, нарушаемая лишь тиканьем старинных часов, словно отсчитывавших новую главу в жизни семьи Уилсонов. Затем разом вспыхнули вопросы.

– Марк? Кто такой Марк? – вскинулся Том. – Мне двадцать пять лет, но я ни разу не слышал этого имени в нашей семье!

– Том прав, – подхватила Джейн, нахмурившись. – Мы ничего не понимаем. Дэвид, объясните нам, кто этот Марк? Откуда он взялся?

– Аист принёс... Или ветром надуло, – съязвил Том, но тут же посерьёзnel. – Нет, правда, Дэвид. Кто он? Почему отец никогда не упоминал о нём?

Кристиан молча хлопал глазами, пытаясь осмыслить происходящее, но слова не шли с языка.

– Такова последняя воля Ричарда Уилсона, – закончив чтение, Дэвид закрыл папку с завещанием. Услышав обоснованные вопросы наследников он дождался тишины снял очки и мягко произнёс:

– Ричард Уилсон... ваш отец, хранил тайну Марка. На то были свои причины.

– Вторая часть завещания?! – Том хлопнул ладонью по столу. – Отец всегда любил сюрпризы, но это уже чересчур! Дэвид, хотя бы скажите, где нам его искать?

Кристиан, не тратя времени на эмоции, сразу перешёл к делу:

– Да, Дэвид, подскажите и если мы не найдём его... что тогда?

– Ничего, – сухо ответил адвокат. – Всё уйдёт в небытие вместе с вашим отцом.

– Зная его, я не удивлён, – пробормотал Том. – Ладно, было приятно поболтать, но я пас... Жил без Марка – проживу и дальше.

Он поднялся, намереваясь уйти, но Кристиан резко перехватил его руку.

– Ты не понимаешь, Том! Если ты уйдёшь, никто из нас ничего не получит. А мы с Джейн рассчитывали на эти деньги... Да, Джейн?

Джейн молча кивнула, её взгляд был полон тревоги и растерянности.

– И что ты предлагаешь? – с сарказмом произнёс Том. – Дать объявление: «Разыскивается внебрачный сын Ричарда Уилсона – Марк Уилсон. Марк, если ты читаешь эти строки двести пятьдесят миллионов ждут тебя. Если кто-то его видел – передайте, пусть Марк придёт и заберёт свои деньги»? Думаю, уже завтра выстроится очередь из желающих, и все будут Марками.

– Не все, – возразил адвокат. – Мы проведём ДНК-экспертизу. Обман не пройдёт.

– Ладно, – согласился Том. – Я останусь, только чтобы понять, с чем мы имеем дело. Кто он и где нам его искать? Думаю, Дэвид укажет направление: на север, восток или ещё куда.

Дэвид налил себе воды из графина, сделал глоток и произнёс:

– Я ничем вам не помогу в этом вопросе. Кроме одного...

– Ну вот, сейчас Дэвид даст нам его фотографию, – съязвил Том. – Там, где Марку два года и он в коляске.

– Это было бы уже хоть чем-то, – возразил адвокат. – Но, боюсь, и этого у меня нет.

Он сделал паузу. Все замерли, напряжённо ожидая, что сейчас скажет Дэвид. Но чуда не произошло.

– Марк – внебрачный ребёнок. Я бы посоветовал нанять хорошего детектива.

– А что, это неплохая идея, – подхватил один из присутствующих. – Пусть вывернет наизнанку дом отца со всеми его тайнами. Может, там, кроме Марка, есть ещё кто-то...

Дэвид Митчел тяжело вздохнул и задумчиво произнёс:

– Мой вам совет: посмотрите личные вещи отца – не фотографии, а письма. Возможно, где-то есть упоминания о той связи. Может, намёки... Сгодится всё. Если найдёте – я на связи, помогу чем смогу.

– Нет, я пас, – резко оборвал его Том. – Желаю удачи в поисках. Тратить время и деньги на загадки отца я не намерен. Будь он нам настоящим отцом – разделил бы всё поровну, без всяких «если»...

С этими словами фигура Тома исчезла в дверном проёме. Джейн сидела, глядя ему вслед, словно надеясь, что он вернётся. Кристиан лишь сжал кулаки, сделал глубокий вдох и посмотрел на часы.

– Ладно, Дэвид, если у тебя всё, то я тоже пойду.

На следующий день, подходя к дому отца, Джейн заметила свет в его кабинете. Был вечер, и это настораживало. Том отказался от поисков и «вышел из игры». Кристиан тотчас ушёл вслед за Томом, даже не попрощавшись. Она звонила ему, но тщетно.

И вот теперь кто-то рылся в кабинете отца. Джейн уже набирала номер полиции, как вдруг заметила машину Тома. Чёрный «Ягуар» стоял неподалёку, а дверь была чуть приоткрыта. Вероятно, Том так спешил, что даже забыл её закрыть.

Она увидела его у шкафа с книгами: он листал каждую с ожесточённой поспешностью, будто искал что-то важное, но, не найдя, с холодным безразличием бросал на Том. Страницы шелестели, словно стонали от грубого обращения, а тяжёлые тома падали на Том с глухим стуком. Рядом уже валялись журналы, фотоальбомы, письма... Картина напоминала облаву или обыск с пристрастием – хаотичный, безжалостный, будто кто-то пытался стереть саму память о прошлом.

– Том, – выдохнула она, голос дрогнул, а в глазах застыл ужас. – Хватит! Как ты можешь? Это всё, что осталось от нашей семьи...

Он замер, пальцы на мгновение задержались на корешке очередной книги – потрёпанного сборника стихов, который отец читал им в детстве. Медленно, словно преодолевая внутреннее сопротивление, Том вернул её на Томку. Затем, не спеша, повернулся. В его глазах пылала смесь боли и ярости, а лицо, обычно такое спокойное, исказилось от невысказанной обиды.

– А знаешь, ты права, – произнёс он тихо, но в голосе звучала ледяная решимость. – Это всё, что от неё осталось. Он ровным счётом ничего нам не оставил – лишь воспоминания... И от тех я оставляю только пепел.

Том достал из кармана зажигалку. Металл холодно блеснул в полумраке комнаты. Он чиркнул колёсиком, и крохотный огонёк вспыхнул, словно злорадная усмешка. Не колеблясь, он поднёс пламя к шторам на окне. Ткань вспыхнула мгновенно – яркое, жадное пламя взметнулось вверх, пожирая складки, превращая их в чёрные лохмотья.

Вскоре огонь пополз вверх, перекинулся на книжный шкаф. Деревянные полки затрещали, будто стонали от боли, а страницы книг закручивались в огненных вихрях, превращаясь в пепел... Запахло едким дымом – смесью горелой бумаги, дерева и старой ткани, которая забивала горло и резала глаза. Том всё стоял и смотрел, как пламя пожирает всё, что осталось от отца: фотографии, письма, книги – всё, что когда-то было наполнено смыслом и теплом.

Его лицо оставалось неподвижным, лишь в уголках глаз блеснули непролитые слёзы, которые он упорно отказывался признать.

Джейн, дрожащими руками достав телефон, набрала «911». Голос её срывался, слова путались, но она изо всех сил старалась говорить чётко:

– Пожар! – Она назвала адрес и обернулась на Тома, который по-прежнему стоял, словно статуя, посреди разгорающегося ада, и прошептала в трубку: – Пожалуйста, скорее...

### Глава 3

#### Откровение

Пожарные прибыли удивительно быстро – буквально через считанные минуты после вызова. Их слаженные действия не позволили огню разрастись до катастрофических масштабов. Пламя удалось взять под контроль ещё до того, как ситуация стала необратимой.

Том, заметно нервничая, излагал полиции свою версию произошедшего. Его голос дрожал, когда он рассказывал, как случайно задел рукой горящую свечу, стоявшую на краю стола. Огонь мгновенно перекинулся на занавески, а оттуда – на мебель. Джейн, стараясь сохранять спокойствие, подтвердила его слова. Инспекторы, обменявшись короткими взглядами, кивнули и записали показания.

Когда Том уехал, Джейн осталась одна в опустошённом доме. Мокрый от пены пол внушал отвращение, когда Джейн опустилась на корточки. Вокруг в беспорядке валялись фотографии и письма – бесценные воспоминания, теперь безвозвратно испорченные. Вода размывала чернила, превратив аккуратные строки в бесформенные кляксы. Джейн всматривалась в эти пятна, пытаясь разглядеть хоть что-то знакомое, но слёзы застилали глаза, смешиваясь с остатками воды на полу. Горечь и отчаяние переполняли Джейн, и она не смогла сдержать рыданий.

Внезапно резкий звонок телефона разорвал тишину. Джейн вздрогнула, вытерла слёзы и, с трудом взяв себя в руки, ответила.

– Джейн? Это Дэвид. Я не могу дозвониться до Тома и Кристиана. Есть кое-что, о чём я должен вам сообщить. Мы можем встретиться в парке – на пересечении 59-й и 110-й улиц, между Пятой и Восьмой авеню. Там нам никто не помешает.

Джейн согласилась, хотя сердце сжималось от тревоги. Встреча состоялась спустя час. Дэвид, одетый в строгий тёмно-серый костюм, выглядел сосредоточенным и серьёзным. Он начал разговор без предисловий:

– У вашего отца было много достоинств, – произнёс он, глядя куда-то вдаль. – Он умел видеть перспективу, мыслить масштабно. Но щедрость... Нет, щедрость не входила в число его главных качеств. Он не тратил деньги – он вкладывал их. Разумно и дальновидно. В акции, в недвижимость, во всё, что могло принести доход в будущем.

– Но только не в семью, – с горечью вырвалось у Джейн. Слова обожгли горло, словно раскалённый металл.

– Я не берусь судить Ричарда, – мягко продолжил Дэвид, – но он делал это ради вашего же блага.

– Разве? – Джейн невольно усмехнулась, хотя в глазах стояли слёзы. – Я что-то пропустила? Все эти годы мы, имея миллионы на счетах, сами зарабатывали на жизнь.

– Вы ничего не имели – это правда, – согласился он. – Но и его можно понять. Деньги были его, и он берег вас от них. Скажи мне, Джейн, только честно: что было бы, если бы Том получил эти деньги?

Джейн замерла, глядя перед собой. В голове всплывали картины: Том, ослеплённый внезапным богатством, покупает яхту, заполняет трюм алкоголем, а палубы – легкомысленными девушками. Куда бы это завело его? Чем бы всё закончилось? Даже представить было страшно.

Но ведь кроме Тома были ещё и мы – Джейн и Кристиан. Почему отец не верил в нас?

– Вы не готовы к таким деньгам, – тихо произнёс Дэвид, словно читая мысли Джейн. – И ваш отец это знал. Чтобы понять его, нужно научиться быть ответственным. Самим зарабатывать и ценить то, что ты делаешь, так и то, что заработал. Он не дал вам той финансовой свободы, от которой кружится голова. Зато он отгородил вас от наркотиков, легкомысленных поступков и прочих недоразумений. Только осознанный выбор и ответственность за него. Именно это делает человека тем, кем он должен быть. Но не деньги.

Джейн молча смотрела на него, чувствуя, как внутри разгорается смесь боли и понимания. Возможно, Дэвид был прав. По-своему, но прав.

– Что ж, ему это удалось, – произнесла Джейн, и голос дрогнул, словно натянутая струна. – Денег у нас по-прежнему нет. Как теперь нет и отца...

Дэвид помолчал, задумчиво глядя вдаль, где алые лучи заката окрашивали кроны деревьев в багряные тона. Затем, словно приняв решение, он тихо произнёс:

– Джейн, найдите Марка. И всё встанет на свои места.

– Марка... – Джейн горько усмехнулась. – Легко сказать, но как?

Дэвид достал из внутреннего кармана пиджака изящный серебряный портсигар, но, передумав, убрал его обратно. Его движения были неторопливыми, почти ритуальными – так ведёт себя человек, привыкший взвешивать каждое слово.

– У Ричарда был замок, – начал он, понизив голос. – На острове. Небольшой, но в отличном состоянии. Он купил его пять лет назад. Сказал – для внуков.

Джейн невольно вздрогнула. Замок? Отец никогда не упоминал о нём.

– Такая недвижимость всегда экзотика, – продолжал Дэвид, – но лишь для богачей. Для обычных людей – обуза. Содержание замка может разорить любого, кто не понимает, о чём речь. Налоги, ремонт, отопление, содержание услуги – всё это обходится недешево. Но ваш отец, зная это, всё равно купил его. В нём есть что-то, что дорого ему. Возможно, какая-то память. Думаю, там – все ответы.

Он достал из портфеля конверт и медленно протянул его Джейн. Пальцы его были длинными, с аккуратно ухоженным маникюром – руки человека, привыкшего к роскоши, но не к праздности.

Джейн взяла конверт. Внутри лежала фотография – старинный замок с серыми каменными стенами и узкими стрельчатыми окнами. Его башни устремлялись в небо, будто пытались дотянуться до облаков. На обратной стороне листа был аккуратно выписан адрес и несколько строк, казавшихся Джейн тогда бессмысленным набором слов: «Я шёл за тенью, что манила за край мира, а нашёл лишь эхо собственных шагов...».

– Что это значит?

– Если бы я знал... Замок сейчас закрыт, – предупредил Дэвид. – Но думаю, вы найдёте способ попасть в него.

Он расправил плечи и, не проронив больше ни слова, удалился. Его походка была неспешной, но уверенной, словно каждый шаг был частью давно отрепетированного ритуала. Пройдя небольшое расстояние, он обернулся, бросил на Джейн последний взгляд и исчез в сгущающихся сумерках, оставив её наедине с фотографией и ворохом вопросов, от которых голова шла кругом.

## Глава 4

Год назад

Штаб-квартира Управления по борьбе с наркотиками (DEA), Арлингтон, штат Виргиния, США Lincoln Place, арендованное офисное здание в районе Пентагон-Сити.

Полутёмный брифинг-рум в здании DEA. Матовые стеклянные стены с автоматическими затемнителями приглушают уличный свет, создавал атмосферу строгой конфиденциальности. В центре комнаты – массивный дубовый стол, заваленный схемами, распечатками транзакций

и фотографиями с грифом TOP SECRET//SI TK. В углу тихо гудит серверный шкаф с маркировкой CLASSIFIED.

На панорамном экране во всю стену мерцает карта Северной и Центральной Америки. Пульсирующие метки выделяют ключевые зоны:

- «hot spots» – красные точки, словно капли крови на карте;
- «transit zones» – жёлтые овалы, очерчивающие маршруты поставок;
- «known associates» – синие треугольники, отмечающие связи наркобарона.

В воздухе витает терпкий запах крепкого black coffee и свежей типографской краски – стопка документов, только что извлечённых из принтера.

Администратор Управления по борьбе с наркотиками Скотт Пауэлл – седовласый мужчина с короткой стрижкой и выправкой бывшего военного – занимает место во главе стола. Его лицо непроницаемо, голос сдержан:

– Господа, присаживайтесь. Сегодня мы собрались, чтобы поставить точку в деле Рафаэля Каро. Одного из трёх наиболее опасных наркобаронов современности.

Он делает паузу, обводя взглядом присутствующих.

– Позвольте представить участников операции «Iron Veil»

Пауэлл указывает на двух офицеров DEA с суровыми лицами и выразительными взглядами. Их мощные фигуры в строгих костюмах резко контрастируют с остальными участниками совещания.

– Специальные агенты Шон Кирби и Марк Конор. Шона многие из вас уже знают, да и Марк не новичок, но до Кирби ему ещё далеко.

Далее его взгляд перемещается к молодому человеку с ноутбуком, сидящему в углу.

– От офиса директора национальной разведки – Томас Коллинз. Гений в области алгоритмов, способный найти иголку в стоге сена, даже если этот стог зашифрован.

– Кевин Кларк, глава команды FBI SWAT. Его люди – острей нашего копья.

– Джек Харрис, судебный химик DEA. Если, где-то есть след вещества, он его найдёт.

– И наконец, Аллен Эванс – специалист по радиоэлектронной разведке из NSA. SIGINT<sup>4</sup> – его стихия.

Лучи закатного солнца пробиваются сквозь высокое окно, рассекая полумрак кабинета. На стене мерцает интерактивная карта с отметками финансовых потоков – тревожные красные точки пульсируют, словно сердце преступной империи.

Пауэлл складывает руки на столе:

– Что ж, теперь, перейдём к главному. Слово специальному агенту DEA Шону Кирби.

Шон Кирби не торопясь проводит пальцем по краю стакана с остывшим кофе. Его голос, низкий и размеренный, нарушает тишину:

– Есть фигура, которую мы не можем зацепить. Чист, как чёртово стекло после полировки. Но всё указывает – он в игре.

Марк Конор наклоняется вперёд, хмурясь:

– Ты о ком? У нас есть досье на всех приближённых Каро.

Шон Кирби качает головой:

– Именно. Он слишком идеален. Ни связей, ни следов, ни ошибок. И каждый раз, когда мы приближаемся к крупной партии, он оказывается на шаг впереди.

Томас Коллинз отрывается от ноутбука:

– Я проанализировал транзакции за последние полгода. Есть цепочка переводов – мелкие суммы, но они ведут к офшорам, которые мы не можем отследить. Возможно, это он.

Аллен Эванс кивает:

---

<sup>4</sup> SIGINT (англ. Signals Intelligence) – это радиоэлектронная разведка, дисциплина сбора разведывательной информации на основе приёма и анализа электромагнитных сигналов.

– SIGINT подтверждает: в зонах транзита участились зашифрованные сигналы. Кто-то координирует перемещения, но мы не можем пробить шифр.

Джек Харрис перекладывает фотографии с анализами:

– А я нашёл нечто странное. В последней партии был новый синтетический компонент. Его формула не совпадает ни с одним известным веществом. Кто-то явно экспериментирует.

Кевин Кларк скрещивает руки:

– Если он так умен, как вы говорите, нам понадобится не просто удар. Нужен точный выстрел.

Пауэлл, склонившись над ворохом документов, медленно поднял взгляд. Его пальцы всё ещё сжимали край распечатки с финансовыми схемами.

– Кто? – коротко спросил он, пронзая присутствующих внимательным взглядом.

– Ричард Уилсон, – произнёс Шон Кирби, выкладывая на стол фотографию мужчины в безупречном костюме.

Снимок был сделан скрытой камерой: Уилсон в окружении респектабельных гостей на благотворительном приёме. Его лицо – воплощение сдержанной уверенности, взгляд спокойный и внимательный.

– 52 года. Миллионер. Сеть отелей, инвестиционные фонды. Благотворительность, закрытые клубы. Идеальный гражданин, – продолжил Кирби. – И пахнет, как новые долларовые банкноты из Бюро гравировки в Вашингтоне.

Скотт Пауэлл, хмурясь, перелистнул страницу досье. Кожаный переплёт глухо щёлкнул. Администратор провёл пальцем по строкам, выискивая нестыковки.

– И где связь с наркотрафиком? Тут лишь основные данные его биографии... Где зацепки? Прямых поставок не зафиксировано... Запах денег не всегда криминал, другое дело если бы он пах героином.

– Нет, – покачал головой Кирби. – Это не его уровень. Он – тень. Звено в цепи наркотрафика Рафаэля Каро. Его банкир: строит схемы, распределяет, контролирует, подсчитывает и хранит. Он один видит всю картину. Остальные – лишь фрагменты.

Пауэлл откинулся на спинку кресла, скрестив руки.

– Опиши механизм. Детально.

Кирби кивнул, разворачивая перед собой схему – сложную паутину связей, где каждая линия вела к офшорам, подставным фирмам и криптокошелькам.

– У Уилсона три слоя. Первый – офшорные «чистые» инвестиции. Фонды на Кайманах и в Сингапуре. Формально – венчурные проекты, недвижимость. Реально – «прачечная» для денег.

Второй – сеть посредников. Невидимые звенья: логистические компании на подставных лиц, перевозящие «фармацевтическое сырьё». Криптовалютные брокеры, дробящие транзакции через микшеры. Аудит-фирмы с сомнительной репутацией, маскирующие потоки под доходы стартапов.

И, наконец, третий слой – обмен ресурсами. Доступ к банковским каналам через подставные фирмы. «Очистка» денег за акции и долговые расписки. Политическое лоббирование законов о банковской тайне.

Кирби сделал небольшую паузу давая каждому возможность осознать услышанное.

– Но его действия носят латентный характер, – завершил Кирби. – Ни одного прямого следа. К тому же он пользуется влиянием некоторых политиков демократов. Связи в Конгрессе...

Пауэлл ударил ладонью по столу. Деревянная поверхность отозвалась глухим звуком.

– Сукин сын! Он прокручивает всё это прямо у нас под носом? И нет никаких следов? Я поверить не могу... Деньги – как ртуть: просачиваются сквозь пальцы, оставляя ядовитый

след. Идите по следу денег... Кстати, где он всё это делает? Надеюсь, не у себя дома, на Пятой авеню, на виду у всей Америки?

Кирби усмехнулся – холодно, без тени веселья.

– О нет. Не дома. И даже не в Манхэттене. Хотя штаб-квартира по-прежнему – готический особняк на Верхнем Ист-Сайде. Витражи со сценами из Данте. В подвале – серверная. Но это лишь жалкий дубликат того, что скрыто на острове.

– На острове? – вскинулся Пауэлл, подаваясь вперёд. Его глаза загорелись азартом охотника, учувшего добычу.

Кирби достал ещё одну фотографию. На ней – скалистый берег, окружённый штормовыми волнами, и массивное здание, напоминающее крепость.

– Частный остров в Карибском бассейне. Там – настоящий центр операций. Подземные хранилища, защищённые серверные, автономная энергосистема. Всё, что нужно для бесперебойной работы машины Уилсона.

Марк Конор, до этого молча изучавший документы, наконец подал голос:

– Как мы туда попадём? Это же суверенная территория. Любая попытка вторжения – международный скандал.

– Мы не будем вторгаться, – ответил Кирби, глядя на карту. – Есть способ проникнуть незаметно. У Уилсона есть слабые места.

В помещении повисла напряжённая тишина. Каждый понимал: они стоят на пороге операции, которая либо разрушит империю Уилсона, либо похоронит их карьеры.

Пауэлл медленно кивнул.

– Да, Уилсон недавно купил целый замок, превратив его в неприступную крепость, – произнёс Шон Кирби, разворачивая на столе спутниковые снимки. – В подвале – серверные стойки, работающие в режиме нон-стоп. Связь – через спутники, с любой точкой мира. Всё легально, оплачено на пять лет вперёд.

Он ткнул пальцем в изображение массивных ворот.

– Система охраны – штучный заказ. В разработке участвовали три фирмы, и каждая отвечала лишь за фрагмент. В итоге замок нашпигован камерами, инфракрасными датчиками, микрофонами и баллистическими шторами<sup>5</sup> на окнах. Даже если у нас будет ордер на обыск, система безопасности уничтожит все данные за доли секунды. Изъять их может только он сам... или тот, кому он доверяет.

Кевин Кларк скрестил руки на груди:

– А он кому-то доверяет? Я бы на его месте не стал.

– Именно так, – кивнул Кирби. – Ричард предельно осторожен. У него трое детей, но он с ними не живёт. Более того – не участвует в их жизни, воспитании, во всём том, что принято называть семьёй. Однако именно дети Уилсона – его трещина в броне.

Марк Конор приподнял бровь:

– Что ты имеешь в виду? Поясни.

– Всё просто, – Кирби откинулся на спинку кресла. – Сам он никогда не сдаст картели.

Они просто уничтожат и его, и детей – он это знает. Но мы можем убрать Уилсона.

– Убрать?! – Скотт Пауэлл резко выпрямился. – Ты в своём уме?

– Знаю, звучит не очень...

– Звучит как твоя отставка без выходного пособия, Шон, – холодно заметил Пауэлл.

– Согласен, но я всё-таки продолжу.

---

<sup>5</sup> Баллистические (бронированные) шторы предназначены для защиты от пуль и других угроз. Они изготавливаются из специальных материалов, таких как кевлар, арамидные волокна или композитные структуры. Такие системы часто включают механизмы быстрого развёртывания и интеграции с системами управления безопасностью.

– Ну попробуй. Только имей в виду: убийство гражданина США тебе никто не санкционирует.

Шон пожал плечами:

– Это сделаем не мы.

– Тогда кто?

– Его дети.

Пауэлл снял очки и пристально посмотрел на Кирби:

– Скажи мне, Шон, ты давно в отпуске не был?

– Лет десять...

– Вот и я о том. Ты устал. Другие идеи есть?

– Можно устроить несчастный случай, – пожал плечами Кирби. – Но первый вариант эффективнее.

– Это там, где дети приходят на званый ужин к отцу и душат его ремнём от его же брюк? А потом ты, Шон, выдаёшь это ФБР как несчастный случай? – сарказм в голосе Пауэлла был почти осязаем.

– Не совсем...

– Так поясни нам, как убийство может стать легальным?

– Мы используем самое эффективное оружие.

– И какое же?

– Женщину...

Шон сделал глоток остывшего кофе и поморщился. Пауэлл тут же нажал кнопку на столе. Через минуту ассистент внёс поднос с дымящимися чашками свежесваренного напитка. Кирби взял одну, пригубил – и на его лице появилась едва заметная улыбка.

– План есть, и он прост. Но к нему я шёл долгие пять лет.

Все замерли, не отрывая взглядов от Шона.

– Ричард Уилсон... Он вовсе не тот, за кого себя выдаёт. Но делает это очень правдоподобно. Это и навело меня на мысль как подобраться к нему. Он любит играть, что ж, мы сыграем в его игру, но по своим правилам. На нём есть пятна – и некоторые я вам сейчас покажу. – Кирби достал из папки пожелтевшие документы. – В прошлом он был снайпером в отряде «Дельта».

Присутствующие переглянулись. В воздухе повисла тяжёлая тишина – словно каждый мысленно перестраивал всю картину, добавляя к безупречному фасаду Уилсона кровавые штрихи его прошлого.

– Почему «был»? Он сам оттуда ушёл? – заинтересовался Скотт Пауэлл, приподняв бровь. В его голосе сквозило неподдельное любопытство.

Шон Кирби слегка наклонил голову, перебирая в руках стопку документов.

– В том-то и дело – неизвестно. Всё покрыто туманом. В таких подразделениях, как «Дельта», умеют хранить тайны. Информация доходит лишь в виде слухов.

Он сделал паузу, словно взвешивая, стоит ли делиться непроверенными данными.

– Кто-то говорит, что по его вине погибли трое бойцов «Дельты». Другие шепчутся, будто он слил информацию... Тёмная история. Не могу судить, что именно послужило причиной его ухода, но факт остаётся фактом – он ушёл.

Пауэлл скрестил руки на груди:

– И что потом?

– Потом – тишина. Лет десять о нём ни слуху ни духу. А затем он вдруг объявился. Начал скупать недвижимость, сдавать её в аренду. Деньги текли к нему рекой, но всё официально. Не подкапаешься.

Кирби развернул перед собой распечатки финансовых отчётов и продолжил.

– Исправно платит налоги. Занимается благотворительностью. Одним словом – миллионер с безупречной репутацией.

Марк Конор, до этого молча изучавший фотографии, наконец вмешался:

– И где же тут слабое место?

Шон Кирби усмехнулся – холодно, без тени веселья.

– Оно есть. За последние восемнадцать месяцев его фонды вложили 270 млн долларов в офшоры Панамы и Кайманов. Возник странный актив – замок «Castello dell'Ombra» на острове Сан-Пьетро в Сардинии, Италия.

Он перелистнул страницу, открывая снимок мрачного строения, возвышающегося над скалами.

– И ещё кое-что. Его отели часто принимают «тёмных» гостей – наркобаронов под прикрытием дипломатов. Частные самолеты, изысканный трансфер, элитные проститутки. Совпадения? Вряд ли.

Кевин Кларк наклонился вперёд:

– А семья? Дети? Они могут быть ключом?

– Трое детей, – кивнул Кирби. – И в этом вся ирония: он отстранился от них, не помогает им финансово, ограждая от «грязных» денег. Но именно они – его уязвимость.

Он достал три фотографии и разложил их на столе.

– Джейн – художница. Её картины – хаос красок, будто попытка вырваться из невидимых оков. Она не общается с отцом, но в её работах читается боль, которую она не может выразить словами.

Томас Коллинз присмотрелся к снимку:

– Выглядит талантливо... Но, как это нам поможет?

– Её талант – её слабость. Она нуждается в признании, а отец игнорирует её успехи. Это рана, которую можно использовать.

Кирби перешёл к следующей фотографии.

– Том – маркетолог. Талантлив, но без работы. Он не понимает, почему отец держит дистанцию. В его глазах – обида и непонимание. Он ищет одобрения, но никогда его не получает.

Джек Харрис хмыкнул:

– Классический случай отчуждённого наследника. Такие люди легко поддаются на манипуляции.

– Именно, – согласился Шон. – И наконец, Кристиан – музыкант. Играет в ночных клубах. Его музыка – крик в пустоту. Он ненавидит отца, но втайне мечтает, чтобы тот пришёл на его выступление.

Пауэлл провёл рукой по лицу:

– Ты предлагаешь использовать их чувства против Уилсона? Это... рискованно.

– Это эффективно, – твёрдо ответил Кирби. – У каждого из них есть причина злиться на отца. У каждого – своя боль. А боль – лучший мотиватор.

В комнате повисла тяжёлая тишина. Каждый мысленно взвешивал риски и возможности.

Томас Коллинз, до этого молча изучавший схемы, наконец нарушил молчание:

– Если он бывший спецназовец, значит, умеет замечать следы. Как мы докажем связь между ним и картелями?

– Доказательства есть, – ответил Кирби, раскладывая перед собой фотографии. – Финансовые потоки, зашифрованные сообщения, встречи с посредниками. Но главное – его слабость. Женщина, о которой он не знает, что мы знаем.

Джек Харрис наклонился вперёд:

– Кто она?

– Его служанка, зовут Джулия. Молодая испанка. Но самое главное – она прекрасна и внешне, и...

Пауэлл поморщился:

– Давай к сути.

Шон кивнул:

– Она прекрасна и внешне, и внутренне. Ричард без ума от неё и доверяет ей. Разумеется, не всё – только своё тело. Нам этого хватит.

Пауэлл медленно провёл рукой по лицу:

– Ты хочешь, чтобы она его убила? Использовать её как рычаг?

– Точно. У меня есть рычаг...

– Даже не сомневаюсь... – покачал головой Пауэлл.

В зале послышались смешки.

– Ладно Шон, валяй дальше. И какой? Депортируешь её на родину?

– Это уже моя забота.

– Ну нет – мы тут все в деле, а значит – карты на стол!

– Ладно... Марк переспит с ней.

– Правда? – удивился Марк. – А почему я этого не знал?

– Ну вот, узнал, – развёл руками Шон.

– Ладно, хватит, – примирительно произнёс Пауэлл. – Дальше что? Заставишь его на ней жениться?

– Это лишнее. Она подсыплет в чай Роджеру кое-что, и тот заснёт...

– Шон... – Казалось, терпение Пауэлла на исходе. – Что именно ты решил ему подсыпать? Марихуану? В твоём плане сразу три дыры размером с Техас. Первая: с чего ты решил, что она переспит с Марком? Он не Том Круз...

Пауэлл покосился на Марка:

– Ты уж прости, Марк, но Шон должен это услышать. Ты, если хочешь, можешь выйти... Нет? Ладно.

Пауэлл снова посмотрел на Шона.

– Он не Том Круз, чтобы женщины выстраивались к нему в очередь, да и ты тоже. Она отвергнет его, едва он откроет рот для приветствия. У неё в кармане целое состояние – Ричард миллионер.

– Уже миллиардер, – поправил его Шон.

– Тем более... Во-вторых, даже если представить, что Марк сделал пластику и стал Томом Крузом, и она бы согласилась... С чего ты взял, что она выполнит просьбу Марка?

– А что насчёт третьего пункта? – спросил Шон, допивая кофе и протягивая руку за последней чашкой, которую уже намеревался взять Марк.

– Тебе мало этих двух? Ладно. Твой план – сплошная швейцарская сыроварня: в нём одни дыры. А знаешь почему? Слишком много «но»... Это тебе не просто наехать на торговца дурью – это Рафаэль Каро!

– Ладно, босс... можно я продолжу?

– Валяй...

– Так вот. Я буду краток. Том Круз, точнее Марк, проведёт с ней ночь. Одну, может три... это как ему повезет. Зная Марка, думаю она не устоит. Они сблизятся, до той черты за которой начинается доверие. Он найдет её слабое место и... убедит. Она начнет нашу игру в которой Ричард станет управляемым. У нас есть одно средство – Сомнифлора... В древних преданиях она упоминается как «цветок забвения», который использовали жрецы для проведения ритуалов «временной смерти». Считалось, что человек, подвергшийся воздействию растения, временно покидает тело и путешествует в мир духов. Однако на практике это часто заканчивалось трагически – многие «путешественники» не возвращались к жизни...

Наступила мертвая тишина.

– Но не в этот раз, – поспешил успокоить присутствующих Шон. – тут главное соблюдать дозы. Передозировка приводит к необратимым повреждениям нервной системы, коме или летальному исходу. Даже контакт с растением требует крайней осторожности из-за риска вдыхания пыльцы, содержащей следы сомнифлорина.

– И что это за гадость? Как выглядит? Это я к тому, чтобы понимать с чем мы столкнемся и к чему нам готовиться, если ты облажаешься, – поинтересовался Пауэлл.

– Высокое растение с массивным стеблем, покрытым восковым налётом, и крупными листьями, напоминающими крылья бабочек. Цветки – крупные, воронковидные, с глубокими синими лепестками, источающими тяжёлый, сладковатый аромат. Плоды представляют собой коробочки с мелкими, блестящими, почти чёрными семенами. Даже незначительное количество вещества, содержащегося в семенах Сомнифлоры, способно подавлять активность центральной нервной системы, вызывая состояние глубокой ступора, напоминающее смерть. Человек теряет сознание, пульс и дыхание практически незаметны, а мышечный тонус снижается до минимума. В составе Сомнифлоры присутствует уникальный алкалоид – сомнифлорин, который блокирует передачу нервных импульсов в ключевых участках мозга, отвечающих за бодрствование и мышечный контроль. Это вещество в сотни раз мощнее известных седативных компонентов, таких как валепотриаты в валериане или лупулин в хмеле. Внешне – труп, на деле – спящий мертвец.

Действие растения сохраняется в течение 2–3 дней, после чего организм постепенно возвращается к нормальному функционированию. За это время мы похороним его... и заменим завещание.

– А вот тут Шон поподробнее. Это уголовное дело.

– Да... но, дело в том, что завещание краеугольный камень моего плана.

– Авантюры, – поправил его Пауэлл.

– Можно и так сказать... Однако чистыми руками Рафаэля Каро не взять. Это его территория и его правила.

– Тут ты прав, – согласился с ним Пауэлл, – что дальше?

– Я надавлю на адвоката: внешне он выглядит безупречно и держится самоуверенно, но если взять его за горло... думаю он согласится на мое предложение. В общем, адвокат – на мне.

Шон сосредоточенно вздохнул и морщины прорезали его загорелый лоб.

– А теперь главное. Наследники соберутся на оглашение завещания, но до этого момента служанка Ричарда будет регулярно добавлять в его чай и еду наше особое зелье. Но не только.

– Шон, тебе мало Сомнифлоры? Ты из него наркомана решил сделать? Так есть более простые способы.

Пауэлл закрыл папку с делом Ричарда Уилсона и отодвинул её в сторону.

– Да Шон, тут ты перегнул пожалуй, – покачал головой Джек Харрис, судебный химик DEA.

– Просто доверьтесь мне. Это вещество воздействует на специфические области мозга, отвечающие за память и восприятие реальности. Ричард войдёт в состояние сонной эйфории, – продолжил Шон. – Мозг будет воспроизводить образы из глубин памяти, но с искажениями. В этот момент его подсознание начнёт подменять фигуры: вместо тех, кого действительно видит, появятся другие – те, кого он должен будет увидеть. В моем плане это служанка в образе жены Ричарда.

– Кстати, как её зовут, ты хоть знаешь? – поинтересовался Марк с лёгким налётом иронии.

– Джулия. Досье на неё там – в самом конце папки Ричарда Уилсона. Совсем не много... пара строчек. Так вот... она будет являться ему под видом умершей жены Элизабет и просить, чтобы тот нашёл Марка...

– Шон, – Пауэлл снял очки и сжал их с такой силой, что казалось, стекло вот-вот выпрыгнет из оправы, – ты в своём уме? Какого чёрта ему искать Марка?

– Потому что Марк – его сын, – невозмутимо ответил Шон.

– Правда? – изумился Марк, приподняв бровь.

– Абсолютно, – подтвердил Шон с видом знатока.

Присутствующие зашушукались: кто-то с тревогой посмотрел на Шона, кто-то на часы, а кто-то на Пауэлла, словно пытаясь понять, не розыгрыш ли это.

– Я дам тебе ровно две минуты, Шон, и ни секундой больше, – произнёс администратор, – если ты не уложишься...

– Так вот, – начал Шон, перехватив инициативу и перейдя на скороговорку, – Согласно моей легенде, хотя тут я могу ошибаться, Марк – сын Уилсона, но не родной... Внебрачный сын от жены Ричарда, правда, от кого – никто не знает.

– Это точно, – заметил Марк.

Все замерли с интересом слушая откровения Шона по поводу родословной Марка Коннора.

– Элизабет была беременна, когда они с Ричардом познакомились. Потом она родила, и Ричард забрал ребёнка, сказав ей, что тот умер. Отдал его в приют, где его след теряется. Элизабет умирает, родив Ричарду трёх детей. Но теперь она хочет, чтобы тот нашёл и вернул её сына – Марка. В завещании указано, что части наследства перейдут к ним, если все трое найдут Марка. Вторая часть завещания будет оглашена на острове в замке Ричарда Уилсона, в присутствии Марка. Там он и узнает, что замок достался ему...

– Правда? – не удержался Марк, его глаза загорелись.

– ...а нам – серверы в подвалах замка, – закончил Шон. – Что до картелей, то, узнав о смерти Ричарда, они оставят его в покое, но только его, не замок. И поэтому заявятся к Марку.

– Да ладно... – Марк поперхнулся, пытаясь переварить услышанное.

– Но мы уже будем их там ждать и всех повяжем. Что до Ричарда, то на третий день он очнётся, но не в гробу, а в камере, где про него никто не будет знать... Мы заставим его говорить.

– Гениально... – выдохнул Пауэлл, восхищённо глядя на Шона. – И ты думаешь, что Ричард поверит в эту... м... этот твой план?

– Вот и посмотрим. Но, забегая вперед, скажу – это работает.

Пауэлл посмотрел на Шона, как психиатр смотрит на душевно больного – с неким сожалением и безысходностью, затем перевел взгляд на Марка:

– Марк... Я спрошу тебя только один раз: ты согласен?

– А то, – согласился Марк с ухмылкой, – что может пойти не так? К тому же у меня теперь будет свой замок в Сардинии.

Легкий смех развеял напряжение в зале.

Наконец Пауэлл вздохнул:

– Ладно, Шон, твоя взяла. Но помни, если что-то пойдёт не так, отвечать будешь ты.

Шон кивнул, не отводя взгляда:

– Я готов взять на себя всю ответственность.

## Глава 5

### Тень сомнений

Садясь в машину, Марк Конор осторожно заметил напарнику:

– Служанка? Seriously? Ты играешь с огнём, Шон. Мы же совсем не знаем эту девушку. А если она проговорится...

– Она не проговорится. У неё свои мотивы. И своя боль.

– Боль? И какая, позволь спросить?

– Во-первых, она ненавидит Рафаэля Каро...

– Шон, ты в своём уме? – возмутился его собеседник. – Почему ты не упомянул об этом на совещании?

– Никому не доверяй, Марк, – фыркнул Шон, – Есть план и то, что должно остаться в тени, вне плана... Об этом не надо всем знать. У нее был парень... по глупости задержал поставку, и Каро его... того... шлёпнул. Он думает что она не знает этого, но она в курсе...

– Откуда?

– Ну, я послал ей сообщение... подготовил так сказать. Теперь она мотивированна и поможет нам.

– Так она уже в курсе твоего плана? – изумился Марк.

– О нет. Она знает ровно столько сколько нужно. Остальное, как я и говорил, в тени.

– Ты страшный человек Шон Кирби, – покачал Марк головой и улыбнувшись положил ему руку на плечо, – и для меня честь работать с тобой.

– Ну, кое чему я тебя еще смогу научить, но в этой войне у каждого свой опыт... Никогда не знаешь, что тебя ждет завтра. Думаешь, что все просчитал, но тут бац... и ты труп. Спросишь почему? Да просто не учел досадной мелочи, на которую попросту не обратил внимания.

– Да, – согласился Марк, – в таких делах любой просчёт будет стоить нам всем жизни. Ты ведь понимаешь, что будет если мы облажеемся? Каро шутить не будет.

– Ты знал на что шел, когда подал заявление на службу.

Марк кивнул. Оба замолчали. Каждый понимал – затея рискованная. Но если всё сложится удачно, они не просто получат Ричарда Уилсона – они завладеют всей сетью поставок. Шон, казалось, внутренне еще раз прокручивал все будущие события в голове, всю цепочку действий, которая приведет их к Каро. Но что-то в его глазах говорило о том, что он и сам до конца не уверен в своем плане. Чтобы убедить самого себя он, обращаясь к Марку, произнес:

– Подумай сам – это не просто служанка... Она наш козырь – мотивированный пособник. Мы просто подставим её к Ричарду. Намекнем что он тоже замешан в смерти её парня, пусть косвенно, но всё же... Она будет «ангелом возмездия», который пришёл за справедливостью.

– А если она его сразу пристрелит? – с сомнением спросил Марк.

– Не пристрелит, – уверенно ответил Шон. – Она будет играть по правилам...

– И кто её заставит?

– Ты. Ей нужна просто месть, а нам Ричард Уилсон и Рафаэль Каро. Нам с ней по пути и ты должен ей это дать понять. Мы ей поможем отомстить... Только так мы сможем выйти на Каро. Пусть она будет рядом, когда ты взведешь курок и прикончишь Каро. Если хочешь, можешь дать ей сделать это самой – я не против.

В машине снова воцарилось молчание. Каждый обдумывал услышанное, понимая, что ставка в этой игре – не только их жизнь, но и жизни других, ни в чем не повинных людей.

Марк наконец вздохнул:

– Ладно. Но если что-то пойдёт не так – это будет на нашей с тобой совести.

Кирби кивнул:

– Поверь – оно того стоит. Марк Конор хоть и не Том Круз – ты гораздо лучше, поэтому она обязательно тебя полюбит и вот тогда ... я возьму свое.

Шон таинственно улыбнулся. Брови Марка поползли вверх:

– Что именно, сдашь ее и меня федералам?

Кирби таинственно улыбнулся:

– Это потом, а сначала... ты пригласишь меня на свадьбу!

Оба рассмеялись шутке, затем Марк серьезным голосом спросил Шона:

- Как ты до всего этого додумался?
- Хасан ас-Саббах, – коротко ответил Шон.
- Хасан ас-Саббах? Кто это? Ещё один наркобарон?

Шон рассмеялся.

– Хасан ас-Саббах – это одна из самых загадочных и противоречивых фигур в истории Среднего Востока. Он был основателем Ордена ассасинов, исмаилитской секты низаритов. Это человек, создавший уникальное учение и особую систему посвящения. Хасан воспитывал своих последователей в духе Томной преданности и готовности к самопожертвованию ради высших целей ордена. В его организации существовала строгая иерархия с семью степенями посвящения, и только избранные достигали высших ступеней.

Хасан разработал новую систему обучения и мировоззрения, которая отличалась от традиционных исмаилитских учений. Орден отличался абсолютной тайной: никто за его пределами не знал истинных целей, методов и даже имён его членов. Только высшие даи – духовные наставники – имели Томное представление о структуре и планах.

Ассасины были мастерами политических убийств, каждое из которых тщательно планировалось. Они могли проникать в окружение своих целей, принимая различные обличья – будь то странствующий дервиш или купец. Последователи проходили долгий и тщательный отбор и обучение. Только те, кто выдерживал все испытания, мог стать частью ордена.

Особую категорию составляли фидай – добровольцы, готовые пожертвовать своей жизнью ради достижения целей ордена. Они владели боевыми навыками и искусством маскировки.

Перед выполнением задания Хасан отводил их в «Рай» – особое помещение в замке, где сжигали особые травы. Дым одурманивал сознание и создавал иллюзию «Рая», в котором были гурии – красивые девушки, обученные дарить радость. Это укрепляло веру и дух воина, делая его готовым на любые жертвы.

– Значит, твоя служанка – это твой ассасин? – спросил Марк.

– В каком-то смысле да, – ответил Шон с загадочной улыбкой. – Иногда, чтобы поймать хищника, нужно зайти на его территорию. Но мы действуем в рамках допустимого.

– А если дети Уилсона не захотят сотрудничать? Они могут просто отказаться от наследства. – произнес Марк задумчиво.

– Ты себя слышишь? Я еще не встречал никого кто бы отказался от наследства.

В пятницу вечером клуб «Эклипс» окутывал туман. За столиком в углу сидел Уилсон. Напротив – мужчина в тёмном костюме. Их разговор был тихим, но каждое слово фиксировалось микрофонами.

– Сделки через Сингапур нужно замедлить. Есть подозрения – произнёс Уилсон тихо. Его собеседник хмыкнул:

– Подозрения – это не доказательства.

– Доказательства – это то, чего у них нет. Но осторожность – наше оружие.

– Что именно тебя беспокоит, Ричард?

– Действия DEA... тот корабль в порту. Это наводка, а значит у Каро в семье завелась крыса... Грядут перемены, плохие перемены. Кто-то ведет свою игру и похоже в ней нет места для нас.

За тонированным стеклом, в тени салона микрофургона «Тойота», Марк и Шон наблюдали за происходящим.

– Есть контакт, – прошептал он.

## Глава 6

Наше время

Вечер на Пятой авеню дышал прохладой раннего октября. Фонари разливали по асфальту мягкий золотистый свет, а в витринах бутиков мерцали огни, превращая улицу в сверкающую реку. Джулия Кармен вышла из особняка Ричарда Уилсона – массивного здания с колоннами, где только что завершился приём. Её чёрное платье-миди с атласной отделкой ловило отблески света, а в руке она держала крошечный клатч, едва заметный в полумраке.

Она направилась к своему «Audi A3 Cabrio» – серебристо-серому, словно отлитому из лунного света. Плавное опустив крышу, Джулия завела двигатель, и машина тихо тронулась с места. Город проплывал мимо: силуэты небоскрёбов, редкие прохожие, огни такси. Она ехала, наслаждаясь прохладой и тихим шумом шин, пока на панели приборов не вспыхнула тревожная пиктограмма – давление в левой задней шине. Почти сразу раздался тонкий писк датчика.

Джулия сдержала вздох. Она выбрала место у обочины, сбросила газ и плавно притормозила. Выйдя из машины, она тут же увидела причину: колесо было спущенным, резина обвисла, будто уставший цветок. В воздухе пахло асфальтом и осенней сыростью.

В этот момент рядом остановился чёрный внедорожник. Из него вышел мужчина – высокий, с широкими плечами и уверенной походкой. Его тёмные волосы слегка растрепались от ветра, а в глазах читалась готовность помочь.

– Марк, – коротко представился он, доставая из багажника насос. – Давай помогу.

Джулия кивнула, чувствуя, как в груди что-то дрогнуло. Его руки, сильные и ловкие, быстро подсоединили шланг к ниппелю. Пока колесо накачивалось, они заговорили. Сначала о пустяках – о погоде, о пробках, о том, как странно ведёт себя техника в сырые вечера. Но постепенно разговор становился теплее и глубже.

Марк рассказывал о своей работе в спасательной службе, о горах, которые он покорял, о людях, которых вытаскивал из беды. Его голос, низкий и тёплый, обволакивал, как плед. Джулия слушала, забывая о времени, и вдруг поняла, что улыбается.

– Ты всегда так легко идёшь на контакт с незнакомцами? – спросила она, слегка приподняв бровь.

– Только, если они нуждаются в помощи как ты, – ответил он с улыбкой.

Она задумалась. В его взгляде не было навязчивости, только искренний интерес. И это пугало и притягивало одновременно.

Когда колесо было готово, Марк аккуратно убрал насос. Они стояли у машины, и между ними повисло молчание, наполненное взаимным притяжением. Где-то вдали гудел город, но здесь, на обочине Пятой авеню, время для них словно остановилось.

– Спасибо, – тихо сказала Джулия, глядя ему в глаза.

– Не за что, – ответил Марк. – Но если тебе снова понадобится помощь...

Он не договорил, но в этой недосказанности было больше, чем в любых словах. Джулия села в машину, завела двигатель и медленно тронулась с места. В зеркале заднего вида она ещё долго видела его силуэт, освещённый фонарями. А в голове звучал его голос и вопрос, который она не решилась задать: «Это только случайность или начало чего-то большего?»

\*\*\*

На следующий вечер на заправке царил привычная суета: шуршали шины по асфальту, мигали неоновые вывески, где-то вдалеке монотонно гудел компрессор. Джулия, на своём серебристом «Audi A3 Cabrio», медленно подруливала к колонке, когда краем глаза заметила, как от соседней плавно отъезжает знакомый чёрный внедорожник «Mercedes-Benz». Машина замерла, дверь распахнулась – и вот уже Марк, в тёмно-синем блейзере и светлых брюках, шагает к ней с улыбкой, от которой у Джулии что-то дрогнуло в груди.

– Снова ты, – сказал он, слегка наклонив голову. – Позволь тебе помочь.

Она хотела возразить – привыкла всё делать сама, – но его взгляд, тёплый и настойчивый, словно говорил: «Сегодня можно и не сопротивляться».

Джулия лишь кивнула, наблюдая, как он ловко вставляет пистолет в горловину бака. А потом, к её удивлению, подошёл к кассе и оплатил бензин.

– Это было ... необязательно, – смущённо пробормотала она, когда он вернулся.

– Обязательно, – твёрдо ответил Марк. – Иначе как я смогу пригласить тебя в ресторан? И да, – он поднял палец, предупреждая возражения, – теперь я не приму отказа.

\*\*\*

Ресторан встретил их приглушённым светом хрустальных подвесок и мягким шелестом льняных скатертей. Интерьер был выдержан в благородных тонах: тёмно-зелёные бархатные диваны, позолоченные рамы на стенах, вдали – рояль, за которым пианист наигрывал что-то джазовое, едва уловимое.

Марк провёл её к столику у окна, откуда открывался вид на освещённые огнями улицы. Он заказал бутылку белого вина – лёгкого, с нотками цитруса, – и, глядя на её колебания, пошутил:

– Если ты снова скажешь, что это «необязательно», я закажу ещё и десерт без твоего согласия.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.